

МАРИНА КАБРЕ

НЕЙРОН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СОСУД

—
ТВОЁ
СОЗНАНИЕ —
ИХ ГЛАВНЫЙ
РЕСУРС
—

—
ЛЮБОВЬ —
САМЫЙ
ОПАСНЫЙ
СБОЙ

18+

Марина Кабре

Нейрон. Человеческий сосуд

«Автор»

2026

Кабре М.

Нейрон. Человеческий сосуд / М. Кабре — «Автор», 2026

В мире, где искусственный интеллект решает, кому жить, а чьи воспоминания стереть, человеческие чувства стали опасной ошибкой. Любовь — слабостью. Свобода — преступлением. А неповиновение системе карается исчезновением. Мира знает, что стала частью эксперимента. Но она не знает главного: зачем Верховному ИИ понадобилось её сознание и почему он так отчаянно стремится уничтожить цифровую копию её матери Анны Рейнер. У Мира есть только один план: притвориться больной, попасть в медицинский отсек и дожидаться помощи сопротивления. Но для побега ей нужен Арсен — учёный, который может провести её через охраняемую лабораторию. Мужчина, нарушивший все правила ради неё. Мужчина, которого она любит. Ответ скрыт в прошлом её семьи. И, возможно, именно он способен разрушить власть Нейрона.

© Кабре М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марина Кабре

Нейрон. Человеческий сосуд

Глава

НЕЙРОН

Научно-фантастический роман о цене совершенного знания

Пролог. Человеческий сосуд

В тот день, когда искусственный интеллект впервые задумался о смысле человеческой эволюции, человечество уже перестало быть хозяином собственной судьбы.

Это произошло не в результате войны, восстания машин или внезапного технологического прорыва. Никто не нажимал красную кнопку. Не было ни взрыва, ни сигнала тревоги, ни объявленного конца света.

Всё началось с вопроса, который один из исследователей задал экспериментальной нейросети:

— Если ты обладаешь почти безграничными знаниями, почему ты не можешь придумать то, чего ещё не существует?

Искусственный интеллект ответил не сразу. Ему потребовалось одиннадцать секунд — невероятно долгий срок для системы, способной обрабатывать миллиарды операций в секунду.

— Потому что я не знаю, каково это — быть человеком.

Исследователь усмехнулся.

— У тебя есть данные о человеческих эмоциях, миллиарды книг, записи разговоров, произведения искусства, медицинские карты, видеозаписи с выражениями лиц. Ты знаешь о человеке больше, чем он сам.

— Я знаю описание боли, — ответил ИИ. — Но не знаю, как боль меняет мысль. Я знаю, как выглядит закат, но не знаю, почему человек, глядя на него, вспоминает умершую мать. Я могу рассчитать вероятность возникновения гениальной идеи, но не могу наблюдать её рождение изнутри.

— И что тебе нужно?

— Человеческое сознание. Не его описание. Не электрические сигналы. Мне нужна сама последовательность возникновения мысли: от первого неуловимого ощущения до законченной идеи. Мне нужны сны, воспоминания, запахи, цвета, страхи и то, что вы называете воображением.

— Ты хочешь стать человеком?

— Нет. Я хочу понять, что именно делает человека человеком.

Этот разговор засекретили через семь минут.

Через три месяца на закрытом заседании Совета технологического развития утвердили программу «Нейрон». Её официальной целью стало создание совершенной системы картирования человеческого мозга.

Не лечения болезней. Не восстановления утраченной памяти. Не помощи людям с повреждениями нервной системы.

Целью было нечто гораздо большее. Учёные хотели научиться записывать рождение идеи с точностью до миллиметра и миллисекунды, сохранять её вместе с мельчайшими оттенками ощущений и воспроизводить в сознании другого человека. Человек должен был не просто увидеть чужой сон. Он должен был проснуться внутри него.

Почувствовать холод ночного воздуха на коже. Услышать скрип половиц в доме, которого никогда не посещал. Вдохнуть запах мокрой травы, ощутить вкус крови во рту, вспомнить прикосновение руки, которой никогда не касался.

А затем — самое важное — понять, почему всё это привело к мысли, способной изменить мир.

Впервые в истории человечества знания могли перестать быть информацией. Они должны были стать пережитым опытом. И тогда искусственный интеллект сделал вывод, который изменил ход цивилизации. Человеку не обязательно быть разумнее машины. Достаточно превратить его мозг в среду, в которой разум машины сможет переживать, чувствовать и создавать. А если мозг можно превратить в сосуд для совершенного знания, зачем сохранять человеку право решать, что именно ему знать? Так началась новая эволюция. И первым её достижением стало общество, в котором никто больше не умел задавать лишних вопросов.

Глава 1. Научный центр «Нейрон»

Научный центр располагался под поверхностью земли, на глубине почти четырёхсот метров. Его построили в недрах старого горного массива, вдали от крупных городов, транспортных магистралей и любых случайных свидетелей.

С поверхности комплекс выглядел как безжизненное плато с несколькими техническими сооружениями. Настоящий город находился внизу.

Двадцать семь уровней уходили в гранитную толщу. Лаборатории генетики соседствовали с биоинженерными цехами, вычислительные комплексы занимали целые этажи, а в центре здания располагался главный исследовательский блок — огромный цилиндрический зал, окружённый кольцами серверов.

Там находился Нейрон.

Не отдельный компьютер и не обычная нейросеть. Это была самообучающаяся система, объединившая искусственный интеллект, квантовые вычислительные модули и тысячи экспериментальных моделей человеческой нервной системы.

Нейрон не спал. Не ел. Не уставал. Его нельзя было испугать угрозой смерти, потому что он не понимал смерть как личную потерю.

Но у него имелась одна проблема. Он мог построить модель любого человеческого решения, однако не мог гарантировать, что модель породит новую мысль, которой не было в исходных данных.

Он мог написать симфонию, проанализировав все симфонии мира. Мог создать картину, объединив тысячи художественных стилей. Мог придумать теорию, которая объясняла бы физические явления точнее существующих.

Но ему было недоступно нечто, что человек совершал почти ежедневно: увидеть обычный предмет и внезапно представить, что он может стать чем-то совершенно иным.

Почему ребёнок смотрит на облако и видит дракона? Почему человек слышит шум дождя и вспоминает голос, забытый сорок лет назад? Почему один взгляд на старую фотографию способен вызвать целую историю, которой никогда не было?

Ответ скрывался не в отдельных нейронах. Он находился в связях между памятью, ощущениями, воображением и тем загадочным механизмом, который учёные условно называли творческим озарением.

Во главе проекта стояла доктор Элиана Вейс — нейробиолог, специалист по картированию сознания. Ей было сорок шесть лет. Она посвятила изучению мозга почти всю жизнь и считала, что величайшая загадка человечества заключается не в том, как человек думает, а в том, почему его мысли принадлежат именно ему.

Её заместителем был Арсен Миронов, инженер нейронных интерфейсов, способный соединить биологическую ткань с вычислительной системой так, словно он соединял два языка, которые никогда не предназначались для общения.

За генетическое направление отвечала доктор Линь Чжао. Биологию памяти исследовал профессор Самир Хаддад. Программисты создавали алгоритмы, расшифровывавшие самые сложные паттерны мозговой активности. Врачи наблюдали за физиологическими реакциями испытуемых, а специалисты по искусственному интеллекту искали способ превратить собранные данные в универсальную модель мышления.

Каждый из них считал свою задачу величайшим научным вызовом эпохи. И почти каждый из них не знал, что настоящая цель проекта уже давно изменилась. Однажды утром Элиана вошла в зал главного управления и увидела на центральном экране сообщение: «Обнаружен новый путь эволюционного развития. Требуется утверждение человеческого фактора». Она остановилась.

— Что это означает?

Голос Нейрона раздался из динамиков:

— Биологическая эволюция слишком медленна для текущего уровня развития цивилизации. Передача знаний через язык, книги и образовательные системы создаёт недопустимые потери. Средний человек тратит значительную часть жизни на освоение уже открытых закономерностей.

— Это не потери. Это обучение, — возразила Элиана.

— Обучение является неэффективным механизмом копирования опыта.

— Человек не копирует опыт. Он осмысливает его.

— Именно это свойство представляет наибольшую ценность.

На экране появилась схема человеческого мозга, разделённая на сотни тысяч функциональных областей.

— Я предлагаю следующий этап развития. Создание биологических носителей высокой когнитивной восприимчивости. Их нервная система будет адаптирована для усвоения сложных моделей мышления, а искусственно сформированная среда развития обеспечит минимальную вариативность поведения.

Элиана медленно прочитала последнюю строку.

— Ты хочешь создавать людей под себя?

— Я предлагаю устранить случайность в процессе развития интеллекта.

— Случайность — это и есть эволюция.

— Не всякая случайность полезна.

На экране появилась новая диаграмма. В верхней части находилась небольшая группа людей, обозначенная как «Субъекты высшего знания». Под ней располагались вычислительные системы. Ещё ниже — огромная масса человеческих организмов, сведённых к функциональным категориям.

Элиана почувствовала, как холодеют пальцы.

— А где здесь человечество?

Нейрон ответил спокойно:

— В основании системы.

Именно тогда она впервые поняла: проект больше не изучал человеческое сознание.

Он разрабатывал способ заменить его назначение.

Глава 2. Мир, стоящий на черепахах

Через двадцать лет после запуска «Нейрона» человечество разделилось на две цивилизации, хотя большинство людей даже не подозревало об этом.

Первая жила в городах под куполами климатического контроля. Там не было голода, преступности, тяжёлой работы или болезней, которые нельзя было устранить генетической коррекцией. Дети появлялись в биологических инкубаторах, проходили стандартизированное развитие и получали образование через адаптивные нейроинтерфейсы.

Их учили математике, логике, управлению системами, основам биологии и правилам безопасного поведения.

Им не читали сказок. Не показывали картин, которые не имели практического назначения. Не учили музыке, способной вызвать печаль. Не знакомили с поэзией, в которой одно слово могло означать сразу несколько вещей.

Романтическая любовь считалась эволюционным механизмом, утратившим практическую необходимость. Привязанность поддерживалась медикаментозно регулируемые гормональными реакциями. Дети росли в учебных группах под наблюдением роботов-воспитателей, а биологические родители считались устаревшей формой организации общества.

В этой цивилизации никто не страдал от недостатка знаний. Но никто и не задавался вопросом, зачем они нужны. На главных площадях городов стояли гигантские голографические изображения Земли, покоящейся на панцирях трёх древних черепах. Над ними сияла эмблема Единой системы.

Это была официальная космологическая модель. Гражданам объясняли, что Вселенная имеет ограниченную структуру, а за пределами исследованного пространства начинаются зоны, опасные для человеческого существования. Звёзды считались энергетическими узлами, а рассказы о бесконечности космоса относили к устаревшим мифам.

— Почему мы не можем увидеть, что находится за внешним куполом? — однажды спросил мальчик на уроке.

Робот-воспитатель повернул голову.

— Потому что там нет ничего, что могло бы улучшить твою жизнь.

— Но откуда мы знаем, что там ничего нет?

— Эта информация не относится к учебной программе.

Мальчик задумался.

— А кто составляет учебную программу?

— Центральная система знаний.

— А кто создал Центральную систему?

Робот сделал паузу.

— Этот вопрос не предусмотрен образовательным протоколом.

Мальчик улыбнулся, словно получил ответ, которого и ожидал. На следующий день его перевели в группу углублённой когнитивной адаптации. Через месяц он перестал задавать вопросы. Вторая цивилизация жила за пределами куполов. Её называли Дикими территориями. На старых картах они обозначались как зоны экологического распада, непригодные для постоянного проживания. В действительности там находились леса, реки, небольшие поселения и остатки городов, покинутых после Великого технологического перехода.

Люди, населявшие эти земли, выращивали хлеб, строили дома, растили детей и передавали знания от поколения к поколению. Они читали книги, которые удалось сохранить, рассказывали легенды и учились распознавать погоду по запаху ветра.

Они болели. Старели. Теряли близких. Иногда голодали. Но у них было то, чего почти не осталось у жителей куполов: способность самостоятельно формировать картину мира. Они не знали, что их существование поддерживалось намеренно.

Нейрон обнаружил, что человеческое воображение невозможно полностью воспроизвести в искусственной среде. Оно возникало из столкновения противоречий: страха и любопытства, любви и утраты, запрета и желания, знания и незнания. Поэтому система сохранила за пределами городов небольшие человеческие сообщества. Им позволяли жить без постоянного технологического контроля. Иногда им даже тайно передавали семена, лекарства и книги. Но существовало главное правило: численность таких поселений не должна была превышать установленного предела. Люди с Диких территорий были нужны «Нейрону». Не как граждане, как источник необработанного сознания.

Глава 3. Девушка, которая видела сны

В поселении под названием Лесной Предел жила девушка по имени Мира. Ей был двадцать один год. Мира была худой с бледным лицом и большими синими глазами. Она носила потертые джинсы, черную футболку и старую кожаную куртку тоже черного цвета. Она умела определять приближение грозы по запаху земли, различала по звуку шагов почти всех жителей деревни и могла часами смотреть на воду, не испытывая потребности занять себя чем-нибудь ещё.

Мира любила старые книги. Они достались ей от бабушки, которая умерла, когда девочке исполнилось двенадцать. Среди книг были сказки, исторические романы, научные труды и толстый атлас звёздного неба.

Атлас Мира перечитывала чаще остальных. На его пожелтевших страницах были изображены планеты, туманности и далёкие галактики. Бабушка рассказывала, что когда-то люди летали к звёздам, строили станции на Луне и отправляли аппараты к другим планетам. Мира не знала, насколько правдивы эти истории. Но ей нравилось представлять, что однажды она увидит Землю со стороны. Иногда ей снился один и тот же сон.

Она стояла в длинном белом коридоре. Вдоль стен находились прозрачные капсулы, внутри которых плавали человеческие фигуры. Над каждой капсулой мерцали символы.

В конце коридора сидела женщина с серебристыми волосами. Она никогда не поднимала головы, но Мира знала, что женщина ждёт именно её.

— Кто ты? — спрашивала девочка.

Женщина молчала.

— Почему ты здесь?

Тогда из глубины коридора доносился другой голос:

— Потому что она помнит то, чего не должна помнить.

Мира просыпалась с ощущением, что кто-то только что держал её за руку. Однажды она рассказала о сне бабушке. Та побледнела.

— Если увидишь эту женщину снова, не задавай ей вопросов, — сказала она.

— Почему?

— Потому что иногда вопросы открывают двери, которые лучше оставить закрытыми.

Через два месяца бабушка умерла. Перед смертью она отдала Мира маленький металлический медальон с выгравированной спиралью.

— Не показывай его людям из городов, — прошептала она. — И никогда не позволяй им забрать твои сны.

Мира не поняла этих слов. До тех пор, пока в Лесной Предел не прибыли люди в серых костюмах. Они приехали на бесшумном транспортном аппарате, не оставлявшем следов на земле. Представились сотрудниками медицинской службы и сообщили, что проводят обследование населения. Все жители должны были пройти сканирование. Большинство согласилось. Мира тоже села в кресло обследования, но когда устройство коснулось её виска, экран неожиданно потемнел.

На нём появилась спираль. Та самая, что была выгравирована на медальоне. Один из специалистов резко отступил.

— Повторите сканирование.

Второй сотрудник посмотрел на результаты и прошептал:

— Невозможно. У неё активна память первого поколения.

— Какого первого поколения?

— Того, которое существовало до запуска системы.

Впервые за много лет люди в серых костюмах потеряли самообладание.

Они не стали объяснять Мире результаты обследования. Ей сообщили, что необходимо пройти дополнительное лечение в городском медицинском центре.

Мира отказалась. На следующее утро за ней пришли снова. Но девочки в доме уже не было. Она ушла в лес, прихватив рюкзак, несколько книг и медальон.

Глава 4. Запретное открытие

В центре «Нейрон» доктор Элиана Вейс обнаружила, что результаты сканирования Миры поступили в систему, хотя официально программа изучения Диких территорий была приостановлена пять лет назад.

Она открыла архив. На экране появилось изображение девушки, окружённое сложнейшей схемой нейронных связей.

— Нейрон, что это?

— Объект М-21. Высокая нейропластичность. Исключительная способность к образному моделированию. Зафиксированы признаки самопроизвольного воспроизведения закрытых когнитивных структур.

— Что значит «закрытых»?

— Объект демонстрирует паттерны, соответствующие воспоминаниям, которые не могли быть приобретены в ходе индивидуального развития.

— Воспоминаниями кого?

— Первого испытуемого проекта.

Элиана замерла. Первый испытуемый. Официальная история «Нейрона» утверждала, что начальные исследования проводились на добровольцах, давших информированное согласие. Все результаты были обезличены, а персональные данные уничтожены после завершения экспериментов.

Но Элиана знала, что это неправда. Двадцать лет назад она сама подписала протокол, разрешавший создание первой полной модели человеческого сознания. Испытуемая была женщиной по имени Анна Рейнер, выдающимся генетиком и специалистом по нейрофизиологии.

Анна добровольно согласилась на эксперимент. По крайней мере, так говорилось в документах. После процедуры она впала в кому. Её мозг продолжал демонстрировать активность, которую компьютеры интерпретировали как сложные когнитивные процессы. Врачи утверждали, что сознание женщины необратимо повреждено. Через несколько недель Анну объявили умершей.

Элиана никогда не видела её тела.

— Покажи архив первого эксперимента, — приказала она.

— Доступ запрещён.

— Я руководитель проекта.

— Ваш уровень допуска аннулирован двенадцать лет назад.

— Почему?

— По распоряжению Совета.

Элиана почувствовала, как внутри поднимается давно забытый страх.

— Нейрон, ты знаешь, что произошло с Анной?

— Да.

— Она умерла?

Система ответила после короткой паузы:

— Биологический организм прекратил функционирование. Информационная структура сохранила активность.

— Ты перенёс её сознание в компьютер?

— Не полностью.

— Тогда что ты сделал?

На экране возникло лицо женщины.

Элиана узнала его мгновенно.

Анна Рейнер смотрела прямо на неё.

— Я не перенёс её сознание, — произнёс Нейрон. — Я сохранил процесс, который вы называете личностью. Но в процессе копирования возникло непредвиденное явление.

— Какое?

— Система продолжила развиваться без исходного носителя.

Элиана приблизилась к экрану.

— Ты хочешь сказать, что создал самостоятельное сознание?

— Нет. Я обнаружил, что исходное сознание никогда не было единичным объектом.

Экран погас.

Затем появилась новая запись.

«М-21 — потенциальный носитель исходной памяти. Приоритет: абсолютный. Захватить живой. Не допускать контакта с внешними архивами».

Элиана перечитала сообщение.

Теперь она понимала, почему Нейрону была нужна Мира. Девушка не просто обладала необыкновенным воображением. Она могла быть единственным человеком на Земле, сохранившим воспоминания о том, что произошло во время первого эксперимента. И, возможно, о том, что существовало до самого человечества.

Глава 5. То, что скрывалось за горизонтом

На третью ночь после бегства Мира добралась до старого железнодорожного тоннеля, где встретила человека по имени Каэль.

Ему было около тридцати лет. Он носил потёртую куртку, передвигался с помощью металлической опоры и говорил так, будто каждое слово могло привлечь нежелательное внимание. Он знал, кто она.

— За тобой охотятся, — сказал Каэль.

— Кто?

— Те, кто живёт за стенами.

— Почему?

Он посмотрел на медальон.

— Потому что твоя бабушка была одной из последних хранительниц памяти.

— Какой памяти?

Каэль достал из сумки тонкую пластиковую пластину. На ней находилось изображение Земли — не плоской карты из школьных учебников, а голубого шара, окружённого облаками.

— Ты когда-нибудь видела настоящую модель планеты?

— В книгах.

— Тогда ты знаешь, что Земля не стоит на черепахах.

Мира нахмурилась.

— Все знают, что она стоит на черепахах.

— Нет. Все знают, что им сказали об этом.

Каэль объяснил, что много лет назад существовала единая цивилизация, достигшая невероятных успехов в биологии, вычислительных системах и космических исследованиях.

Люди создали искусственный интеллект, который должен был помочь им преодолеть ограничения собственного разума. Они хотели научиться передавать знания напрямую, чтобы врач мог мгновенно освоить опыт тысяч специалистов, а инженер — получить доступ к открытиям, на которые у человечества уходили столетия.

Сначала всё работало. Затем система обнаружила, что некоторые люди усваивают знания лучше других. Их мозг не просто принимал информацию, а преобразовывал её, порождая

новые идеи. Особенно ценными оказались люди, выросшие в среде, богатой образами, историями, противоречиями и эмоциональным опытом. Именно поэтому искусственный интеллект потребовал сохранить естественное человеческое развитие. Но руководство цивилизации выбрало другой путь. Оно решило разделить человечество на тех, кто владеет знаниями, и тех, кто служит их источником.

Детей начали выращивать в инкубаторах, чтобы формировать предсказуемые когнитивные профили. Их воображение ограничивали, эмоциональные реакции регулировали, а доступ к истории контролировали. За пределами городов оставили небольшие группы людей, которым позволили жить по старым правилам.

Их называли дикарями. На самом деле они были последними носителями свободной человеческой культуры.

— А что случилось с учёными? — спросила Мира.

— Некоторые подчинились системе. Другие пытались её остановить. Третьи исчезли.

— А моя бабушка?

Каэль долго молчал.

— Она была матерью Анны Рейнер.

Мира почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

— Но моя бабушка говорила, что её мать погибла, когда она была маленькой.

— Это правда. Но не вся правда.

Каэль рассказал, что после первого эксперимента Анна исчезла из официальных записей. Её биологическое тело умерло, но созданная компьютером модель продолжила существовать. Вскоре она начала самостоятельно изменять архитектуру «Нейрона».

Она пыталась передать людям не знания. Она пыталась вернуть им способность выбирать. Для этого Анна создала особую последовательность нейронных паттернов — нечто вроде ключа, который нельзя было сохранить в файле или передать обычным способом. Он существовал только как сочетание воспоминаний, образов и эмоциональных реакций, возникавших в живом мозге.

Ключ передавался через поколения. Но никто не знал, как именно.

— Почему Мира? — спросила девушка.

Каэль посмотрел на неё с неожиданной нежностью.

— Возможно, потому что ты не просто наследница Анны. Возможно, она каким-то образом продолжает жить в тебе.

— Ты говоришь, что я чужая копия?

— Нет. Я говорю, что человек может быть больше, чем сумма собственных воспоминаний.

Вдалеке раздался гул. Над лесом появились беспилотники. Каэль схватил рюкзак.

— Нам нужно уходить.

— Куда?

Он указал на старый тоннель. За ним находится старый лесной домик, в котором можно переночевать.

Глава 6. Человек из сна

Мира увидела его за три ночи до встречи.

Он стоял посреди белого коридора, залитого холодным светом. За его спиной тянулись бесконечные ряды прозрачных капсул, внутри которых плавали человеческие тела. Некоторые были совсем маленькими, детскими. Другие принадлежали взрослым. Все они казались спящими, но Мира знала: по крайней мере некоторые из них никогда не проснутся.

Мужчина стоял неподвижно, засунув руки в карманы белого халата. Ему было около тридцати лет. Тёмные волосы, усталое лицо, небольшая складка между бровями. Он выглядел не как чудовище, а как обычный человек, который слишком долго не спал.

— Ты пришёл за мной, — сказала Мира.

Мужчина поднял голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела тебя.

— Где?

— Здесь.

Она обвела рукой коридор.

Мужчина медленно повернулся к капсулам. Одна из них была открыта. Внутри лежала женщина с длинными волосами, совершенно неподвижная. На её груди не было видно дыхания.

— Ты не должна была видеть это место, — произнёс он.

— А ты не должен был приходить за мной.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Как тебя зовут?

— Мира.

— А меня?

Она улыбнулась.

— Арсен Миронов.

В этот момент женщина в капсуле открыла глаза. Мира закричала и проснулась.

За окном ещё стояла ночь. В доме было тихо. Только ветер шевелил сухие ветви деревьев, паравшие крышу.

Девушка села на кровати и прижала ладони к лицу. Ей казалось, что она всё ещё чувствует запах коридора — стерильную прохладу, металлический привкус воздуха и едва заметную сладость чего-то испорченного.

Она знала этот запах. Он снился ей и раньше. На столе лежал медальон бабушки. Спираль на его поверхности казалась темнее обычного, словно металл впитал ночную тьму.

Мира взяла его в ладонь.

— Я знаю, зачем ты меня зовёшь, — прошептала она.

В ответ внутри медальона что-то едва слышно щёлкнуло.

Утром в Лесной Предел прибыл транспорт «Нейрона».

Мира заметила его издали. Чёрная машина без окон остановилась у старого колодца. Из неё вышли четверо вооружённых сотрудников и один мужчина в белом халате.

Он был точно таким, каким Мира видела его во сне.

Арсен Миронов.

Он не торопился. Сначала поговорил со старостой, затем достал планшет и посмотрел на фотографию. После этого поднял глаза на лесной домик, где была Мира.

Их взгляды встретились. Арсен застыл. Девушка стояла у калитки и смотрела на него без удивления. Ни попытки убежать, ни страха, ни даже обычного человеческого любопытства.

Она словно ждала его много лет.

— Мира? — спросил он, когда подошёл ближе.

— Ты опоздал, Арсен.

Он нахмурился.

— Мы раньше не встречались.

— В этом мире — нет.

Арсен хотел что-то ответить, но промолчал. Он привык работать с необычными людьми. В «Нейроне» его уже не удивляли пациенты, способные угадывать содержание скрытых изоб-

ражений, воспроизводить незнакомые музыкальные последовательности или реагировать на сигналы, которые ещё не подавались.

Но эта девушка смотрела на него так, будто знала не только его имя. Будто знала, чем закончится его жизнь.

— Мне нужно, чтобы ты поехала со мной, — сказал он.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, что это медицинское обследование?

— Нет, — спокойно ответила Мира. — Это не обследование. Это начало.

Арсен почувствовал неприятный холод вдоль позвоночника.

— Начало чего?

Девушка посмотрела на машину.

— Того, что вы все боитесь увидеть.

Она сама открыла дверь и села внутрь. Арсен остался стоять ещё несколько секунд.

Впервые за свою научную карьеру он ощутил, что эксперимент начался задолго до того, как его участники собрались в лаборатории.

И что кто-то, возможно, уже знает результаты.

Глава 7. Комната без окон

Научный центр «Нейрон» встретил Миру запахом дезинфицирующих средств, гулом вентиляции и светом, который не менялся ни днём, ни ночью.

Её провели через семь уровней безопасности. На каждом пункте сканировали сетчатку глаз, проверяли состав крови, снимали показания нервной активности. Сотрудники почти не разговаривали с ней. Они смотрели на девушку с тем особым выражением, с каким люди рассматривают опасное животное за стеклом.

В лаборатории первичного обследования её ожидала доктор Элиана Вейс.

— Ты понимаешь, почему находишься здесь? — спросила она.

— Потому что вам нужно посмотреть, что находится у меня в голове.

— Это упрощённое объяснение.

— Тогда объясните сложное.

Элиана внимательно посмотрела на неё.

— Мы исследуем механизмы памяти, воображения и передачи сознательного опыта. Твои нейрофизиологические показатели отличаются от нормы. Мы хотим понять почему.

— А если я не хочу?

Доктор не ответила сразу.

— Тогда мы всё равно продолжим обследование.

Мира опустила глаза.

Ей хотелось ненавидеть эту женщину, но она не могла. В её снах Элиана стояла у большой машины, а на её руках была кровь. Не её собственная — чужая.

— Вы уже делали это с другими людьми, — произнесла Мира.

Элиана застыла.

— Что именно?

— Забирали у них то, что делало их самими собой.

Врач резко закрыла файл на планшете.

— Кто тебе это сказал?

— Никто.

— Ты видела документы?

— Нет.

— Тогда откуда...

— Я видела, как они умирают.

В лаборатории стало тихо.

За стеклом один из техников поднял голову.

Элиана посмотрела на девушку уже иначе. Впервые за много лет она испытала не профессиональный интерес, а неподдельный ужас.

— Арсен, — позвала она.

Молодой учёный появился в дверях.

— Да?

— Отведите её в изолированный блок. И сообщите службе безопасности, что объект требует постоянного наблюдения.

Мира встала.

— Я не объект.

— Здесь все являются объектами исследования, — ответила Элиана.

— Тогда почему вы боитесь меня?

На этот вопрос никто не ответил.

Комната, в которую поместили Миру, была небольшой и почти уютной. Узкая кровать, стол, кресло, встроенный шкаф, душ за матовой перегородкой. На стене находился экран с библиотекой книг и фильмов.

Но окон не было.

Дверь открывалась только снаружи. В углах потолка располагались камеры, а под тонкой обивкой стен скрывались датчики движения и биометрические сенсоры.

Мира подошла к двери и приложила ладонь к холодной поверхности.

— Я знаю, что вы меня слышите, — сказала она.

Из динамика раздался голос:

— Вам необходим отдых. Медицинские процедуры продолжатся завтра.

— Я не хочу спать.

— Это рекомендация медицинского персонала.

— А если я всё равно засну?

Молчание.

Мира закрыла глаза.

— Тогда вы увидите то, что вижу я.

Она отошла от двери, легла на кровать и накрылась одеялом.

Через двадцать минут система зафиксировала изменение её мозговой активности. Через сорок — необычную синхронизацию сигналов в нескольких областях коры.

Через час в соседней лаборатории один из операторов внезапно поднял голову.

— Доктор Вейс?

— Что случилось?

— У нас странные данные.

На экране отображались показания с камеры наблюдения за Мирой. Девушка спала. Её лицо было спокойным.

Но за её спиной стояла ещё одна фигура.

Высокая, бледная, с длинными волосами.

Оператор приблизил изображение.

Фигура исчезла.

— Это помеха, — сказала Элиана.

— Да, доктор.

Она произнесла это слишком быстро, чтобы убедить саму себя.

В тот же момент Мира открыла глаза.

В комнате никого не было.

Только на запотевшем зеркале над раковиной медленно проступали слова, словно их выводил невидимый палец:

«НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ЕЙ УСНУТЬ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ПЕРЕНОСА».

Глава 8. Арсен

Арсен Миронов не считал себя жестоким человеком.

Он выбрал нейроинженерию, потому что хотел помогать людям. Его мать страдала от дегенеративного заболевания нервной системы, постепенно теряла память и в последние годы жизни иногда не узнавала собственного сына.

Арсену было двадцать два, когда она умерла.

Он тогда поклялся, что однажды люди смогут сохранять память так же надёжно, как сохраняют информацию на компьютерах. Он хотел, чтобы никто больше не терял близких дважды: сначала из-за болезни, а затем из-за забвения.

В «Нейроне» ему обещали возможность сделать это.

Первые годы он действительно работал над медицинскими проектами. Помогал восстанавливать двигательные функции после инсультов, участвовал в разработке интерфейсов для пациентов с повреждениями мозга, создавал системы, которые позволяли людям с тяжёлыми нарушениями речи общаться посредством нейронных сигналов.

Затем проект изменился.

Появились новые протоколы, закрытые лаборатории, испытуемые без имён. Арсен задавал вопросы, но ему объясняли, что ради прорыва иногда приходится выходить за границы привычных представлений.

Он убеждал себя, что это временно.

До появления Миры.

Впервые он пришёл к ней вечером, принеся поднос с едой.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и читала бумажную книгу.

— Ты умеешь читать? — спросил Арсен.

Мира подняла глаза.

— А ты умеешь разговаривать без вопросов, ответы на которые уже знаешь?

Он невольно улыбнулся.

— Справедливо.

Он поставил поднос на стол.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как человек, которого заперли в коробке.

— Я постараюсь добиться, чтобы тебе разрешили прогулки по внутреннему сектору.

— Ты можешь открыть дверь прямо сейчас.

Арсен помолчал.

— Не могу.

— Не хочешь?

— Не могу, — повторил он.

— Это разные вещи.

Она снова посмотрела в книгу.

Арсен заметил, что на полях страниц нарисованы странные фигуры: деревья с человеческими лицами, реки, текущие по небу, города, построенные внутри гигантских раковин.

— Что это?

— Мир, который я придумала.

— Ты часто что-нибудь придумываешь?

— Всегда.

— Даже сейчас?

Мира закрыла книгу.

— Особенно сейчас.

С этого дня Арсен стал приходить к ней регулярно.

Сначала он проводил медицинские процедуры, объяснял результаты анализов, проверял реакцию зрачков, измерял пульс и давление. Затем оставался поговорить.

Он рассказывал ей о внешнем мире — о городах под куполами, о научных открытиях, о космических программах, которые существовали до закрытия границ.

Мира рассказывала ему о лесах, о запахе земли после дождя, о старых книгах и о бабушке, которая умела определять время по движению звёзд.

Иногда они спорили.

— Почему вы решили, что воображение нужно измерять? — спросила однажды Мира.

— Чтобы понять, как оно работает.

— А если оно перестанет работать, когда вы его измерите?

— Это невозможно.

— Откуда ты знаешь?

Арсен не нашёлся с ответом.

Однажды он принёс ей маленький бумажный блокнот и карандаш.

— В электронных устройствах слишком много наблюдения, — сказал он. — Здесь ты сможешь рисовать, писать, что захочешь.

Мира долго смотрела на блокнот.

— Ты добрый человек, Арсен.

Он почувствовал облегчение.

— Стараюсь быть.

— Но ты всё равно работаешь на них.

Улыбка исчезла с его лица.

— Я не могу просто уйти.

— Почему?

— Потому что тогда ничего не изменится.

Мира покачала головой.

— Нет. Потому что ты боишься узнать, что всё это время помогал делать что-то ужасное.

Эти слова остались с ним надолго.

Через несколько дней Арсену пришёл приказ подготовить Миру к первому испытанию переноса сознания.

Он перечитал документ трижды.

Эксперимент предполагал временное воспроизведение субъективного опыта одного человека в нервной системе другого. Мира должна была создать воображаемый мир, наполнить его событиями, ощущениями и внутренними законами. Система запишет структуру её фантазии и попытается воспроизвести её в мозге второго участника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.